

Julia Lensen

СОГЛАСИЕ

18+

Julia Lensen

Согласие

<https://litres.ru/74679877>

SelfPub; 2026

Аннотация

В девятнадцать лет я на спор набила татуировку по рисунку из старой книги. Через семь лет человек, которому принадлежит этот знак, вошёл в мою мастерскую в Новом Орлеане и вежливо попросил отреставрировать его Библию.

Джулиан Кейн никогда не лжёт. Он не может коснуться меня без разрешения. Ему нужно одно слово, и ради него он отнимет у меня всё: подругу, жениха, работу, дом.

Я знаю, что он чудовище. В его доме за белыми дверями живут сорок женщин, которые сказали ему «нет». У одной из них моё лицо.

У меня есть тридцать дней под его крышей и формула, которая может связать его самого. Чтобы она сработала, «да» нужно сказать искренне.

Содержание

Согласие	4
Оглавление	5
Глава первая. Чужая печать	7
Глава вторая. Голос во сне	15
Глава третья. Колокольчик молчит	21
Глава четвёртая. Темнота	29
Глава пятая. Сорок имён	36
Глава шестая. Беззвучно	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Julia Lensen

Согласие

Согласие

Oct 26, 2026 · @Б

Оглавление

- Глава первая. Чужая печать
- Глава вторая. Голос во сне
- Глава третья. Колокольчик молчит
- Глава четвёртая. Темнота
- Глава пятая. Сорок имён
- Глава шестая. Беззвучно
- Глава седьмая. Дом с жёлтыми ставнями
- Глава восьмая. Честная цена
- Глава девятая. Дюмейн-стрит, 712
- Глава десятая. Каллахан
- Глава одиннадцатая. Сорок дверей
- Глава двенадцатая. Коллекция
- Глава тринадцатая. Синяя папка
- Глава четырнадцатая. Залив
- Глава пятнадцатая. Букварь
- Глава шестнадцатая. Под фонарём
- Глава семнадцатая. Тридцать дней
- Глава восемнадцатая. Пустая чашка
- Глава девятнадцатая. Молчание
- Глава двадцатая. Огонь без причины
- Глава двадцать первая. Вальс у Ле Бланов
- Глава двадцать вторая. Запотевшее зеркало
- Глава двадцать третья. Дюйм дерева

Глава двадцать четвёртая. Формула

Глава двадцать пятая. Согласие

Глава первая. Чужая печать

В Новом Орлеане потеют даже книги. Я поняла это в первый же август, когда вскрыла сундук с метрическими книгами из прихода Святого Карла и нашла внутри один серый слипшийся пирог, пахнувший грибами и рекой. Мистер Деверо тогда постоял надо мной, пожевал пустую трубку, которую не курил уже лет двадцать, и сказал, что город ничего не отдаёт просто так, даже собственные записи о крещении. Я решила, что это местная поговорка. За пять лет я так и не нашла ни одного человека, кроме него, который бы её знал.

Мастерская «Деверо и сын» занимала первый этаж узкого дома на Шартр-стрит, между лавкой, торговавшей масками к Марди Гра, и баром, в котором по вечерам кто-то упрямо играл на саксофоне одну и ту же мелодию, всякий раз сбиваясь на одной и той же ноте. Сына у мистера Деверо не было, вывеску он унаследовал от отца, а тот от своего, и до сих пор переписывал золотые буквы на стекле сам, раз в несколько лет, стоя на стремянке с кисточкой из беличьего хвоста. Когда-то здесь переплетали молитвенники для креольских семей. Теперь к нам несли бабушкины кулинарные тетради, залитые во время урагана семейные Библии, университетские фолианты, которые никто не открывал с тех пор, как их купили, и иногда, очень редко, что-нибудь по-настоящему старое.

В тот четверг я с утра сидела над судовым журналом 1847 года. Капитан шхуны «Мэри Энн» аккуратно записывал погоду, глубину и груз, а между строк, видимо, давил комаров, потому что каждые три страницы на бумаге темнело маленькое бурое пятнышко с крошечной лапкой. Я снимала со страниц старую ленту, которой кто-то в семидесятых решил их «укрепить», и ругалась вполголоса на этого кого-то, на влажность и на кондиционер, который мистер Деверо держал на двадцати четырёх градусах из соображений экономии и называл это заботой о бумаге.

Часы на моём запястье нагрелись от лампы, и я машинально сдвинула широкий кожаный ремешок. Под ним кожа была светлее, и на этой светлой полоске чернел знак: круг, перечёркнутый тремя неровными линиями, и что-то вроде ключа с бородкой, повернутого остриём вниз. Я носила под ремешком эту глупость семь лет. Лазер обещали за четыре сеанса, а я каждый раз находила причину перенести запись.

Телефон зажужжал на верстаке и пополз к краю. Райан.
«Ужин в восемь, не забудь. Мама хочет обсудить список гостей. Пожалуйста, без джинсов».

Я посмотрела на свои джинсы, на фартук в клейстере, на пальцы, по которым въелась пыль от замши, и написала, что буду в платье. Потом стёрла «в платье» и написала «вовремя». Миссис Брукс второй месяц обсуждала список гостей так, будто речь шла о составе Верховного суда, и каждый раз выяснялось, что с моей стороны приглашено слишком мало

людей. Это была правда. С моей стороны были Сара, мистер Деверо и, если очень повезёт, мама, которая на последнее Рождество прислала открытку с напечатанной подписью.

Следующей позвонила Сара, будто почувствовала.

— Ты жива? — спросила она вместо приветствия. Где-то за ней грохотала посуда, Сара работала администратором в ресторане на Мэгэзин-стрит и звонила обычно из подсобки, между двумя катастрофами.

— Капитан Хокинс убил на этой странице одиннадцать комаров, — ответила я. — Это считается?

— Это считается за признак того, что ты слишком много времени проводишь с мёртвыми морзянками. Слушай, я в субботу свободна. Может, посидим вдвоём, без твоего Райана и без его мамы? Мне надо тебе кое-что сказать.

— Что-то случилось?

Она помолчала чуть дольше, чем стоило.

— Ничего. Просто давно не виделись. В субботу, да?

Я пообещала и ещё некоторое время держала телефон в руке, глядя на погасший экран. Сара умела врать о чём угодно: менеджерам, бывшим, полицейскому, который однажды остановил нас на трассе до Батон-Ружа, когда она гнала сто двадцать. Мне она вралась плохо. Я решила, что дело в очередном мужчине, и вернулась к комарам.

К шести мистер Деверо ушёл, оставив мне ключи и распоряжение не сидеть допоздна, которое мы оба давно воспринимали как ритуальную фразу вроде «будь здорова». Сак-

софон за стеной разогревался. Солнце ушло с витрины, и Шартр-стрит налилась тем густым розовым светом, за который туристы платят по триста долларов за ночь в отелях с балконами. Я как раз мыла кисти, когда звякнул колокольчик над дверью.

Вошедший был немолод и очень аккуратен. Серый костюм, хотя на улице стояло тридцать два градуса, серый галстук, седые волосы, зачёсанные назад с такой точностью, что на них остались следы от зубцов расчёски. Он держал в руках свёрток, обёрнутый в тёмное сукно, и держал его так, как держат что-то, к чему не хотят прикасаться, но обязаны.

— Мисс Холт? — спросил он.

Я не помнила, чтобы мы встречались, и сказала, что мастерская уже закрыта, но если он оставит телефон, мистер Деверо завтра перезвонит.

— Работу просили передать именно вам, — ответил он и положил свёрток на стойку. — Владелец хотел бы, чтобы вы занялись ею лично.

Он развернул сукно. Под ним лежала книга в чёрной коже, без тиснения на корешке, с двумя латунными застёжками, одна из которых держалась на честном слове, а другая была оторвана вовсе, и на её месте остался только след от заклёпок. Кожа потрескалась по сгибам, нижний угол переплёта размок когда-то и высох уродливой волной. Я надела перчатки раньше, чем успела подумать, что делаю. Это был рефлекс, как тянуться к ручке горячей сковороды полотен-

цем.

— Семнадцатый век? — спросила я, касаясь пальцем края блока. Бумага была тряпичная, плотная, с тем лёгким желтоватым отливом, который не подделаешь.

— Владелец не уточнял. Он сказал, вы поймёте сами.

Человек в сером положил рядом с книгой конверт. Я открыла его, потому что он явно ждал, что я открою. Внутри был чек на имя мастерской, и сумма на нём превышала то, что мистер Деверо зарабатывал за полгода.

— Это ошибка, — сказала я.

— Это предоплата, — сказал он. — Остальное по завершении. Сроки на ваше усмотрение. Владелец не торопится.

— Как его зовут? Мне нужно оформить квитанцию.

Он улыбнулся так, как улыбаются люди, которым давно не смешно.

— Он зайдёт сам, когда сочтёт нужным. Доброго вечера, мисс Холт.

Колокольчик звякнул ещё раз. Я подошла к витрине и увидела только, как серый пиджак растворяется в толпе туристов с ярко-зелёными коктейлями в пластиковых стаканах. Саксофон за стеной споткнулся на своей ноте.

Чек я положила в ящик кассы и заперла на ключ. Потом вернулась к стойке и долго смотрела на книгу, не трогая её. Я слышала о таких клиентах от старых переплётчиков в Бостоне, где проходила практику после колледжа: коллекционеры, которые не называют имён, приносят краденое или, наобо-

рот, слишком честное, платят вдвое и исчезают. Мистер Деверо в таких случаях говорил, что деньги не пахнут, а книги иногда пахнут, и надо уметь отличить второе от первого. От этой книги пахло старой кожей, воском и чем-то сладковатым, вроде гвоздики.

Я отнесла её к своему столу под лампу, отстегнула уцелевшую застёжку и открыла переплёт.

На форзаце, на плотном листе цвета слоновой кости, тёмно-коричневыми чернилами, выцветшими по краям до ржавчины, был нарисован круг. Его пересекали три линии, неровные, будто проведённые не пером, а ногтем, и под ними, остриём вниз, висел ключ с узкой зубчатой бородкой.

Я сначала решила, что ошиблась, что это свет, усталость, комары капитана Хокинса. Потом сняла часы.

Знак на моём запястье был точной копией. Не похожим, не сделанным по мотивам, как утверждал тату-мастер в подсобке на Бурбон-стрит, а тем же самым до последнего изгиба: левая линия так же заваливалась вниз, бородка ключа так же имела пять зубцов, из которых третий был чуть длиннее остальных. Мастер тогда спросил, уверена ли я насчёт третьего зубца, и Сара ответила за меня, смеясь, что в оригинале именно так.

Это была её идея. Нам было по девятнадцать, мы приехали в Новый Орлеан на весенние каникулы, и в последний вечер, после двух бутылок дешёвого розового вина, Сара достала из сумки сложенный вчетверо листок. Сказала, что на-

шла рисунок в какой-то старой книге в библиотеке колледжа, что это древний символ удачи или защиты, она забыла, и что спорит на сто долларов, что я не решусь. Я решилась. Сто долларов она мне так и не отдала, и мы обе считали это лучшей частью истории.

Мне захотелось ей позвонить. Я даже взяла телефон, а потом положила обратно. Что я ей скажу? Что в мастерскую принесли книгу с нашим пьяным рисунком? Она рассмеётся, предложит заработать на этом сто долларов и будет права. Мало ли старых книг с похожими знаками. Мало ли мастеров, которые срисовывают одно и то же с одних и тех же источников.

Я приложила запястье к форзацу, рядом с рисунком, чтобы сравнить линии, и бумага под моей рукой оказалась тёплой.

Не нагретой от лампы, лампа светила сбоку. Тёплой изнутри, как бывает тёплой чужая ладонь, когда кто-то долго держал руку на столе и только что убрал. Я отдёрнула запястье. Знак на коже слегка покраснел по контуру, как в первые дни после того, как его набили, и я почувствовала короткое, глубокое покалывание, словно под кожей кто-то провёл кончиком иглы по старым линиям.

За стеной саксофонист наконец сыграл свою ноту чисто и замолчал.

Под передней крышкой переплёта, в кармашке, который я сначала приняла за отошедший слой бумаги, лежала ви-

зитная карточка. Плотный картон, без имени, без телефона, только несколько строк, написанных от руки тем же тёмно-коричневым, что и рисунок, и почерком, который выглядел старше чернил:

«Не торопитесь, мисс Холт. Я ждал семь лет и подожду ещё немного. Д. К.»

Я опоздала на ужин к миссис Брукс на сорок минут и пришла в джинсах.

Глава вторая. Голос во сне

Дом Бруксов стоял в Гарден-дистрикт, за чугунной оградой с виноградными листьями, и каждый раз, когда я поднималась по его ступеням, мне казалось, что колонны на веранде слегка сдвигаются друг к другу, чтобы внимательнее меня рассмотреть. Миссис Брукс встретила меня в дверях, оглядела джинсы и сказала, что я, должно быть, ужасно устала, и это прозвучало как диагноз. Райан поцеловал меня в висок и шепнул, что мы потом поговорим.

Ужин подавали в столовой с портретами людей, которые выглядели так, будто лично подписывали Луизианскую покупку. Мы ели черепаховый суп, и миссис Брукс диктовала Райану фамилии, а он записывал их в телефон с покорностью секретаря. Шестьдесят человек с их стороны. Четверо с моей. Когда дошли до мамы, миссис Брукс отложила ложку.

— Твоя мать ответила насчёт даты, Эмма?

— Пока нет. Она много работает.

— Конечно, — сказала миссис Брукс и улыбнулась портрету над моей головой. — Бостонцы вообще очень занятые люди.

Райан положил ладонь мне на колено под столом, и я было решила, что это поддержка, пока он не наклонился и не спросил вполголоса, отправила ли мама те бумаги, о которых он говорил. Какие-то документы от семейного фонда,

подпись нужна до свадьбы, иначе потом придётся возиться с юристами. Я сказала, что напомним ей. Он кивнул и убрал руку, и колену сразу стало прохладно от кондиционера.

Домой он меня не повёз. Сказал, что у него в семь утра созвон с Хьюстоном, и вызвал мне такси, и пока машина ехала через весь город в Мариньи, я смотрела на своё отражение в тёмном стекле и думала, что когда-то, полтора года назад, Райан Брукс приходил в мастерскую трижды за неделю, чтобы спросить, как продвигается переплёт его дедовского атласа, хотя атлас был готов ещё в понедельник.

Я снимала второй этаж старого дома на Бургундии, узкого, выкрашенного в цвет лайма, с верандой, на которой помещались два стула и горшок с базиликом, который упорно не желал умирать, хотя я делала для этого всё. Внизу жила миссис Арсено, восьмидесятилетняя вдова, которая каждое утро в шесть включала радио с проповедями, а по вечерам слушала Этту Джеймс, и я давно перестала понимать, какая из этих привычек её настоящая.

Я приняла душ, долго держала запястье под холодной водой и уговаривала себя, что покраснение от часов. Ремешок новый, кожа жёсткая, я весь день работала под лампой. Потом легла, не включая кондиционер, и открыла окно, потому что любила, как пахнет ночью жасмин из соседского двора, и потому что за пять лет так и не привыкла спать в тишине. В Бостоне за окном всегда ехала какая-нибудь машина. Здесь вместо машин были цикады, далёкий трамвай на Сент-

Чарльз и чьи-то голоса, которые до утра спорили на испанском.

Уснула я быстро, и последнее, что запомнила, было лёгкое жжение под браслетом часов, которые я забыла снять.

Во сне я стояла в доме, где никогда не была. Высокие окна от пола до потолка, натянутые чем-то белым и тонким, вроде марли, и за ними шёл дождь, такой плотный, что казалось, будто дом погрузили в воду. Паркет под босыми ногами был тёплым. Пахло воском, старой кожей и гвоздикой, и я узнала этот запах раньше, чем поняла, откуда.

В комнате никого не было, но я знала, что за моей спиной кто-то стоит. Знала так, как иногда в толпе знаешь, что на тебя смотрят, ещё до того, как обернулась. Я не обернулась. Мне почему-то казалось очень важным не оборачиваться.

— Спасибо, — сказал голос позади меня. — Ты долго ждала.

Голос был низкий, спокойный и очень близкий, как будто тот, кто говорил, наклонился к самому моему уху, но я не чувствовала ни дыхания, ни тепла.

— Я ничего не ждала, — ответила я, и во сне это прозвучало глупо, как отговорка ребёнка.

— Ты могла свести знак. Тебе предлагали четыре раза. Ты записывалась и не приходила.

— Откуда ты...

— Я был рядом, когда ты отменяла запись. Каждый раз. Во второй раз ты сказала администратору, что заболела, а

сама сидела на скамейке у реки и ела пралине из бумажного пакета. Ты испачкала сахаром манжету.

Я помнила ту манжету. Я помнила, как оттирала её в туалете мастерской и злилась на себя. Я никому об этом не рассказывала, потому что рассказывать было нечего.

— Кто ты? — спросила я.

Он молчал так долго, что я решила, что сон закончился. Дождь за окнами стал тише. Потом я почувствовала, как что-то коснулось моего запястья, ровно там, где под ремешком был знак. Это не было прикосновением пальцев. Скорее так ложится на кожу тепло от свечи, когда подносишь руку слишком близко, и ещё не больно, но уже понятно, что будет больно, если не убрать.

— Ты знаешь, кто я, — сказал голос. — Ты держала в руках мою книгу.

— Это просто книга.

— Тогда почему ты унесла её в сейф, а ключ взяла с собой?

Я не помнила, чтобы делала это. Я помнила, что заперла чек в кассу, и всё. Но во сне я вдруг ясно увидела себя в мастерской: я стою у старого сейфа мистера Деверо, кладу книгу на нижнюю полку, поворачиваю ключ и опускаю его в карман джинсов, и руки у меня совершенно спокойны.

— Я не хочу, — сказала я. Не знаю, что именно я имела в виду.

— Знаю, — ответил он, и в его голосе впервые появилось

что-то похожее на улыбку. — Это пока. Я никуда не тороплюсь, Эмма. Я умею ждать лучше, чем кто-либо из тех, кого ты знаешь. Спроси свою подругу, она подтвердит.

Тепло на запястье стало жаром, и я проснулась.

В комнате было темно, на часах на тумбочке светилося 3:12. Цикады за окном замолчали, все разом, как будто кто-то выключил звук, и в этой тишине я отчётливо слышала собственное сердце и то, как внизу у миссис Арсено скрипнула половица. Запястье горело. Я включила лампу, сорвала часы и уставилась на знак.

Он был красным, воспалённым, как в первую неделю после иглы, и линии казались темнее, чем вечером, будто кто-то прошёлся по ним заново. Я провела пальцем по контуру, и кожа под ним оказалась горячей и чуть влажной. Сквозь это жжение пробивалось что-то ещё, чему я не хотела давать названия: смутное, неприличное ощущение, что меня не обожгли, а тронули.

Я пошла на кухню, достала из морозилки пакет замороженного горошка и просидела с ним на полу, прислонившись спиной к холодильнику, пока руку не начало ломить от холода. Потом вернулась в комнату за телефоном, чтобы посмотреть, сколько стоит в Новом Орлеане приём у дерматолога без записи, и увидела уведомление.

Сара. В 3:09.

«Ты не спишь?»

И ниже, через минуту:

«Неважно. Увидимся в субботу. Люблю тебя».

Сара никогда не писала мне «люблю тебя». Мы дружили с четырнадцати лет, она держала мне волосы, когда меня тошнило после выпускного, и врала моей матери, что я ночую у неё, когда я ночевала совсем не у неё, но таких слов между нами не водилось. Мы говорили «ты дура» и «позвони, когда доедешь», и это было одно и то же.

Я набрала её номер. Длинные гудки, потом автоответчик с её весёлым голосом, записанным три года назад, на пляже, где-то за ним кричали чайки. Я сбросила и написала, что не сплю, что всё в порядке, что мне приснилась какая-то ерунда. Сообщение висело непрочитанным.

Я легла обратно, не выключая света, положила телефон на грудь экраном вверх и стала смотреть в потолок. Где-то к пяти цикады заговорили снова. В шесть внизу включилось радио, и пастор из Шривпорта долго и с удовольствием рассказывал о том, что всякий договор, заключённый во тьме, однажды будет прочитан при свете.

Ключ от сейфа мистера Деверо я нашла в кармане джинсов, когда стала собираться на работу. Я не помнила, как он туда попал.

Глава третья. Колокольчик молчит

Мистер Деверо пришёл в мастерскую раньше меня, чего не случилось уже года два, и когда я открыла дверь, он стоял у кассы с чеком в руке и разглядывал его на просвет, как фальшивую купюру.

— Я его запирала, — сказала я вместо «доброго утра».

— У меня есть второй ключ, Эмма. Это мой магазин, хотя иногда мне кажется, что вы об этом забываете. — Он положил чек на стойку и разгладил его ладонью. — Кто это принёс?

Я рассказала про человека в сером, про книгу, про то, что владелец обещал зайти сам. О рисунке на форзаце я промолчала, о сне тем более. Мистер Деверо слушал, пожёвывая свою пустую трубку, и когда я закончила, попросил показать книгу.

Мы открыли сейф вместе. Книга лежала на нижней полке, как я её и видела ночью, обёрнутая в то же сукно. Я развернула ткань и почувствовала запах гвоздики раньше, чем увидела чёрную кожу. Мистер Деверо не стал надевать перчатки. Он и не прикоснулся к ней, только наклонился и долго смотрел на оторванную застёжку, на след от заклёпок, на волну на нижнем углу.

— Я видел этот переплёт, — сказал он наконец. — Не этот, а такой же. Мне было лет двенадцать. Отец чинил книгу

для одного клиента, и я вошёл в мастерскую без спросу, а он ударил меня по руке линейкой так, что я неделю не мог держать вилку. Больше он меня никогда не бил.

— Кто был клиентом?

Мистер Деверо пожал плечами, и это получилось у него неубедительно.

— Кто-то из старых семей. В то время их было много, и все они платили наличными. — Он выпрямился и посмотрел на меня поверх очков. — Займитесь этим, раз уж вас попросили. Но держите её в сейфе, когда уходите. И, Эмма, если владелец придёт, когда меня не будет, не подписывайте ничего, кроме квитанции.

Я решила, что он шутит, и засмеялась. Он не засмеялся.

До обеда я работала над книгой так, как работала бы над любой другой, и это помогало. Я сфотографировала переплёт со всех сторон, измерила блок, записала в журнал количество тетрадей и состояние шитья. Под лупой кожа оказалась козлиной, выделанной очень давно, по-старому, с той тонкостью, какой сейчас добиваются только в двух мастерских в Европе. Текст был латинский: Вульгата, плотный двухколоночный набор, гравированный фронтиспис с Адамом и Евой, у которых кто-то когда-то выскоблил лица. Я долго разглядывала эти пустые овалы и не могла понять, сделано это из благочестия или со злости.

Форзац я не трогала. Я даже не смотрела на него, а когда приходилось переворачивать переплёт, клала на него лист

чистой бумаги, как кладут платок на лицо спящему. Часы я в тот день надела на другую руку. Запястье под пластырем было ровно и тупо, как ноет синяк, о котором помнишь, только когда задеваешь.

Сара не ответила ни утром, ни к обеду. Я написала ей ещё раз, коротко, без вопросительного знака, чтобы не выглядеть встревоженной, и сразу пожалела.

Он пришёл в начале пятого, когда мистер Деверо ушёл в банк, а солнце било в витрину так, что я опустила жалюзи до половины, и в мастерской стоял полосатый медовый сумрак.

Колокольчик над дверью не звякнул. Я это запомнила, потому что потом много раз проверяла: колокольчик висел на месте, язычок у него был цел, и каждый, кто входил после, извлекал из него тот же глупый жестяной звон. Я подняла голову от стола просто потому, что почувствовала, что в комнате стало теснее.

Он стоял у стойки и рассматривал старые образцы мраморной бумаги, которые мистер Деверо держал под стеклом для клиентов. Высокий, в тёмном костюме без галстука, с расстёгнутым воротом белой рубашки, и единственное, что я про него поняла с первого взгляда, это что ему не жарко. На улице было тридцать четыре, в мастерской двадцать шесть, а он выглядел так, будто только что вошёл с февральского ветра. Тёмные волосы, коротко стриженные на затылке. Лицо, которое было бы просто красивым, если бы не неподвижность. Люди всегда немного двигаются, даже когда стоят: пе-

реносят вес, трогают манжету, моргают. Он не делал ничего из этого.

— Мисс Холт, — сказал он, и я узнала голос.

Не так, как узнают голос знакомого по телефону, когда долю секунды соображаешь, кто это. Я узнала его кожей, запястьем, которое под пластырем вдруг стало горячим, как будто я снова поднесла его к свече.

Он произнёс мою фамилию медленно, с лёгкой паузой после первого слова, как произносят имя старого знакомого, которого давно не видели и рады встретить. Словно «Холт» было для него не просто фамилией, а чем-то, что он когда-то знал хорошо и долго.

— Мы закрыты, — сказала я. Табличка на двери висела стороной «открыто».

— Тогда я ненадолго. — Он отвернулся от мраморной бумаги и посмотрел на меня, и глаза у него оказались светлыми, серо-зелёными, цвета воды в Миссисипи, когда она стоит под низким небом. — Меня зовут Джулиан Кейн. Я владелец книги, которую вам вчера передали. Хотел убедиться, что она в хороших руках.

— Она в сейфе.

— Я знаю.

Он сказал это просто, без нажима, и мне стало холодно, хотя кондиционер не работал.

— Мистер Кейн, ваш... представитель оставил чек на сумму, которая в несколько раз превышает стоимость работы. Я

не могу его принять, пока мы не составим смету.

— Составьте. Я заплачу по смете, а разницу считайте благодарностью за то, что вы за неё взяли.

— Я ещё не взялась.

— Взялись. — Он чуть наклонил голову. — Вы записали в журнал количество тетрадей. Двадцать шесть, и одна из них подшита позже остальных, вы это заметили и поставили на полях вопросительный знак. Вы положили на форзац чистый лист, чтобы не видеть рисунок, и надели часы на другую руку.

Я встала. Стул отъехал назад и ударился о стеллаж с клеем, и одна из банок покатила по полке и остановилась у самого края.

— Выйдите, пожалуйста.

— Сейчас. — Он не сдвинулся с места. — Позвольте только одно. Можно мне взглянуть?

Он смотрел на мою левую руку, на пластырь под рукавом, который я не помнила, когда успела опустить до самой ладони. Он не протянул руки. Он просто стоял и ждал ответа, вежливо и очень внимательно, и я поняла, что он действительно ждёт, что для него это важно.

— Нет, — сказала я.

Что-то изменилось в его лице. Не огорчение и не злость, скорее короткое удовлетворение, как у шахматиста, который увидел, что противник сделал тот ход, которого он и ждал.

— Хорошо, — сказал он. — Нет так нет.

— Кто вы такой?

— Я уже сказал. Джулиан Кейн. Я живу на Эспланаде, в доме с жёлтыми ставнями, у меня галерея на Ройял-стрит, и я владею долгами нескольких семей, чьи фамилии вы видели на портретах в столовой миссис Брукс. — Он улыбнулся одними уголками губ. — Суп у неё, кстати, всегда пересолен. Так было и при её свекрови.

— Откуда вы...

— Я никогда не лгу, мисс Холт. Это первое, что вам стоит обо мне знать, и, пожалуй, самое неприятное. Спросите меня о чём угодно, и я отвечу правду или промолчу. Третьего не бывает.

Я смотрела на него через всю мастерскую, через верстак, через полосы света от жалюзи, и в голове у меня было пусто и звонко, как в пустой церкви.

— Почему у вас в книге мой рисунок?

— Он не ваш, — ответил Кейн. — Это мой знак. Семь лет назад вы попросили нанести его себе на кожу. Добровольно, при свидетелях, в полном сознании, хоть и после двух бутылок розового. Это называется приглашением. Я его принял.

— Это была шутка. Спор.

— Для вас. — Он бросил короткий взгляд на часы, не на свои, на мои, лежавшие на верстаке. — Мне пора. Работайте спокойно, торопиться некуда. Я зайду, когда закончите с переплётом.

Он пошёл к двери, и я смотрела ему в спину и думала, что

сейчас колокольчик зазвенит, и всё станет обычным: странный богатый клиент, которых в этом городе полно, сказал странные вещи, и я расскажу об этом Саре в субботу, и мы посмеёмся. У самой двери он остановился.

— Передайте, пожалуйста, мисс Миллер, — сказал он, не оборачиваясь, — что я хорошо помню её почерк.

Колокольчик промолчал и на этот раз. Банка с клеем, застывшая на краю полки, наконец упала и раскололась о пол, и по половицам медленно поползла белая густая лужа.

Мистер Деверо вернулся через полчаса, застал меня на коленях с тряпкой и не стал ни о чём спрашивать. Он прошёл в подсобку, долго там гремел ящиками, а потом вынес толстую конторскую книгу в коленкоровом переплёте, раскрыл её на стойке и подозвал меня.

Это был журнал заказов его отца, исписанный аккуратным наклонным почерком с завитками. Мистер Деверо провёл пальцем по строчкам и остановился.

«Март 1951. Г-н Дж. Кейн, Эспланада. Реставрация переплёта, Вульгата, ин-кварти. Чёрная козлиная, латунные застёжки. Оплачено наличными. Заказ передан лично».

Я подняла глаза. Мистер Деверо смотрел не на меня, а на витрину, за которой текла по Шартр-стрит обычная вечерняя толпа.

— Отец тогда сказал, что Кейны всегда платят вовремя, — проговорил он. — И что лучше бы им никогда ничего у нас не заказывать.

Он закрыл журнал и унёс его обратно в подсобку, и больше мы в тот день не разговаривали.

Глава четвёртая. Темнота

Сара ответила только в пятницу вечером, одним словом: «Завтра». Ни смайлика, ни времени, ни места, и я поняла, что встречаемся мы, как всегда, в «Кафе Бенсон» на Френчмен-стрит в одиннадцать, потому что за двенадцать лет дружбы мы ни разу не договаривались об этом специально.

Она пришла раньше меня. Это было так же странно, как «люблю тебя» в три часа ночи. Сара опаздывала на собственные дни рождения, на собеседования, на похороны своей тётки в Билокси, и однажды опоздала на самолёт в Мексику, на который мы копили полгода. А тут сидела за нашим столиком у окна с остывшим кофе и рвала на мелкие клочки бумажную салфетку, складывая их в аккуратную горку.

— Ты похудела, — сказала она вместо приветствия.

— Ты тоже.

Она правда похудела. Под глазами лежали тени, которые она не стала замазывать, хотя обычно выходила из дома в полном макияже даже за сигаретами. Волосы она собрала в хвост, и я увидела, что у корней проступил её настоящий цвет, мышиный, который она ненавидела с девятого класса.

Мы заказали бенье. Сахарная пудра сыпалась на стол, Сара размазывала её пальцем и молчала, а я ждала, когда она скажет то, ради чего звала. Потом не выдержала.

— Ты писала мне в три ночи.

— Не спалось.

— Сара.

— Не спалось, Эм. — Она подняла глаза. — Как Райан?

— Нормально. Его мама составила список из шестидесяти человек. Тебе там отведено место за столом номер девять, между его кузеном-стоматологом и вдовой сенатора.

Она улыбнулась, но улыбка не дошла до глаз.

— Выходи за него побыстрее. Не тяни до весны. Распишитесь в мэрии, уезжайте в Хьюстон, он же всё время говорит про Хьюстон.

Я отложила бенье.

— Ты год назад называла его «бостонским чайником в луизианском фарфоре».

— Я была неправа.

— Ты никогда не бываешь неправа. Ты это сама говорила.

Она опустила взгляд на моё левое запястье. Я пришла в рубашке с длинными рукавами, хотя на улице было под тридцать, но она смотрела именно туда, как будто видела сквозь ткань.

— Ты свела её?

— Нет ещё.

— Сведи. — Она подалась ко мне через стол, и сахарная пудра налипла ей на локоть. — Завтра же. Я найду деньги, если надо. Я знаю клинику в Метэри, там делают за два сеанса, больно, но быстро.

— Сара, что происходит?

Она откинулась на спинку стула. Ключки салфетки под её рукой разлетелись по столу от сквозняка, когда кто-то открыл дверь, и она даже не попыталась их собрать.

— Ничего не происходит. Просто глупая татуировка. Мы были пьяные, это была моя дурацкая идея, и меня это мучает. Ты выходишь замуж за человека из приличной семьи, а у тебя на руке какая-то оккультная ерунда. Его мама увидит на свадьбе, будет скандал.

Она говорила быстро и ровно, и каждое слово было по отдельности правдой, а все вместе ложью. Я знала это так же точно, как знала, где у старой книги прячется слабое место шитья. Сара умела врать всем, кроме меня.

Я рассказала ей про книгу. Коротко, без снов и без жара под кожей, только факты: старая Библия, клиент с Эспланады, рисунок на форзаце, тот же самый, до третьего зубца. Пока я говорила, она сидела совершенно неподвижно, и только пальцы на краю стола белели, как будто она держалась за него на качающейся палубе.

— Его зовут Джулиан Кейн, — сказала я. — Он просил кое-что тебе передать.

Она облизнула губы.

— Что?

— Что он хорошо помнит твой почерк.

Я много раз видела, как люди бледнеют, в кино и в жизни, и всегда думала, что это преувеличение, что кровь не может

уйти из лица за секунду. Может. Сара стала серой, как бумага капитана Хокинса, губы у неё сделались одного цвета с кожей, и она встала так резко, что чашка опрокинулась и кофе потёк по столу к сахарной пудре.

— Мне надо идти.

— Сара, сядь.

— Мне правда надо. Смена. — Она рылась в сумке и никак не могла найти кошелёк, и в конце концов бросила на стол двадцатку, которой хватило бы на три таких завтрака. — Эм, послушай меня. Не ходи к нему. Не бери от него денег. Не разговаривай с ним. Если он придёт, просто уйди. Обещай.

— Откуда ты его знаешь?

— Я не знаю его. — Она наклонилась и поцеловала меня в макушку, быстро и неловко, как целуют детей перед школой. — Обещай мне, пожалуйста.

Я пообещала. Она ушла, почти выбежала, и я видела в окно, как она идёт по Френчмен-стрит, не оглядываясь, мимо уличного трубача, мимо столиков с туристами, и сворачивает на Чартрес, хотя ресторан, где она работала, был совсем в другой стороне.

В воскресенье утром мне позвонили из больницы.

Звонила медсестра, женщина с усталым голосом и сильным акцентом из дельты, и она дважды спросила, кем я прихожусь мисс Миллер, прежде чем сказать хоть что-то. Я соврала, что сестрой. Она сказала, что мисс Миллер поступила

в шесть утра в отделение неотложной помощи Университетского медицинского центра, что состояние стабильное, что угрозы жизни нет и что она просила позвонить именно мне.

Я доехала за двадцать минут, не помню как. Помню только, что на светофоре у Канал-стрит какой-то мужчина на велосипеде постучал мне в стекло и показал, что у меня открыт бензобак.

Сара сидела на больничной кровати в бумажной рубашке, обхватив колени руками, и смотрела на дверь, когда я вошла. Смотрела точно в дверной проём, на уровне моего лица, и на секунду я с облегчением решила, что всё обошлось, что это какая-то ошибка или паническая атака, и сейчас она скажет, что я выгляжу ужасно.

— Эм? — спросила она. — Это ты?

Я остановилась.

— Я узнала твои шаги, — сказала Сара. — Ты всегда ставишь ногу с пятки, как солдат.

Глаза у неё были ясные, светло-карие, с зеленоватой крапункой у левого зрачка, которую я помнила с четырнадцати лет. Совершенно обычные, живые глаза. Они смотрели сквозь меня, туда, где за моей спиной был коридор, и не двигались, когда я подошла ближе.

Врач, молодой индеец с бейджем «Д-р Рао», объяснил мне в коридоре, что они сделали всё, что можно сделать за четыре часа: осмотр, давление, МРТ, анализы. Сетчатка в порядке, зрительный нерв в порядке, мозг в порядке. Глаза

здоровы. Мисс Миллер просто не видит.

— Такое бывает при сильном стрессе, — сказал он, и было видно, что он сам в это не очень верит. — Функциональная слепота. Иногда проходит за несколько дней. Иногда... — Он замялся. — Мы оставим её на наблюдение. Психиатр посмотрит её завтра. Она не говорила вам, что могло её так напугать?

Я сказала, что нет.

Когда я вернулась в палату, Сара лежала на боку, лицом к окну, за которым она ничего не видела. Я села рядом на край кровати и взяла её за руку. Рука была ледяная.

— Расскажи, что случилось.

— Я проснулась, а было темно, — сказала она. — Я подумала, что ещё ночь. Включила лампу, и всё равно было темно. Я нащупала телефон, и он работал, я слышала, как он вибрирует, но экрана не было. Ничего не было, Эм. Как будто кто-то выключил весь мир.

Она помолчала. Пальцы её в моей руке медленно согрелись.

— Перед этим мне снился сон, — сказала Сара. — Я стояла в комнате с высокими окнами. За окнами шёл дождь. Кто-то стоял у меня за спиной, и я не оборачивалась, потому что знала, что нельзя.

У меня перехватило дыхание, и я испугалась, что она это почувствует.

— Он сказал, что я видела достаточно, — проговорила

Сара очень тихо. — Что я семь лет смотрела, как ты носишь его знак, и каждый день знала, что сделала. И что с меня хватит.

— Что ты сделала?

Она высвободила руку и закрыла ладонями глаза, как будто они ещё могли что-то увидеть и она не хотела этого видеть.

— Уходи, пожалуйста, — сказала она. — Не сейчас, Эм. Я не могу сейчас.

Я просидела в коридоре до вечера, пока медсестра с акцентом из дельты не сказала мне, что приёмные часы кончились и что сестре моей нужно поспать. Она сказала «сестре» с таким выражением, что стало ясно: она с самого начала знала, что я соврала, и просто решила, что это не её дело.

Глава пятая. Сорок имён

Если тебе нечего делать руками, голова начинает делать что-то сама, и обычно это что-то плохое. Этому меня научила не мама и не колледж, а старый переплётчик Абрахам Литтл в Бостоне, у которого я два года проходила практику. Он говорил, что любая паника лечится двумя часами работы с костяной гладилкой, и если не помогло, надо взять гладилку потяжелее.

В понедельник я пришла в мастерскую в семь утра, на час раньше обычного, открыла сейф ключом, который так и пролежал все выходные в кармане моих джинсов, и положила чёрную Библию на стол под лампу. Я не собиралась её реставрировать. Я собиралась её прочесть.

Сначала я сфотографировала каждую страницу. Девятьсот с лишним снимков, два часа, у меня затекла шея и онемели пальцы. Потом перекинула всё на ноутбук и стала смотреть не на текст, а на поля, на пустые места, туда, где за триста лет люди оставляют в книгах то, что не решаются написать в другом месте.

Там было много. Пометки на латыни, на французском, на английском, разными чернилами и разными почерками. Кто-то подчеркнул в Книге Иова все стихи, где Бог спорит с сатаной, и поставил на полях крошечные крестики. Кто-то другой, гораздо позже, обвёл в Песни Песней строку о том,

что любовь сильна, как смерть, и написал рядом по-французски одно слово, которое я не сразу разобрала, а когда разобрала, долго сидела, глядя на экран. «Ложь». Почерк был тот же, что на визитке в кармашке переплёта.

К десяти пришёл мистер Деверо. Он увидел книгу на столе, увидел ноутбук, ничего не сказал и ушёл в подсобку варить себе кофе, и оттуда до меня долетал его тихий фальшивый свист. Мелодия была та же, что у саксофониста за стеной.

Форзац я оставила напоследок. Положила на него увеличительное стекло на штативе и включила лампу с холодным светом, и только тогда заметила, что вокруг круга с ключом идёт надпись. Мелкая, в одну линию, выведенная теми же бурыми чернилами, она так плотно прилегала к краю круга, что на первый взгляд казалась частью рисунка, двойным контуром.

Латынь. Я учила её два года в колледже и потом ещё годковыряла самостоятельно, потому что без неё в нашем деле никуда, но знала примерно так, как турист знает итальянский: могу прочесть меню, не могу поругаться с таксистом. Мне понадобилось сорок минут, словарь и три чашки кофе, которые мистер Деверо молча ставил на край моего стола.

«Signum non capitur nisi datum. Datum non redditur nisi verbo».

Знак не берётся, если не отдан. Отданное не возвращается, кроме как словом.

Я записала перевод на стикер и приклеила его к монитору. Потом сняла часы и посмотрела на запястье. Краснота за выходные сошла, линии снова стали ровными и тёмными, обычная старая татуировка, чуть расплывшаяся по краям. Я отданная, подумала я. Не взятая, а отданная. Кто-то меня отдал.

Эта мысль была такой нелепой и такой холодной, что я рассмеялась вслух, и мистер Деверо выглянул из подсобки.

— Вы в порядке, Эмма?

— Нет, — сказала я честно. Это было первое честное слово, которое я сказала за неделю, и мне от него стало легче.

Он кивнул, как будто это был вполне ожидаемый ответ, и ушёл обратно.

В полдень мне снова позвонили из больницы, на этот раз сама Сара, с телефона медсестры. Голос у неё был бодрый и фальшивый, она сказала, что её выпишут в среду, что психиатр нашёл у неё посттравматическое что-то там, что всё это пройдёт. Потом понизила голос и сказала, что утром ей принесли цветы.

— Белые лилии. Огромный букет, медсестра сказала, что такой у них в отделении никогда не видели. Я не вижу, но чувствую запах, им пропахла вся палата. Там была карточка.

— Что в ней?

Она помолчала.

— Сестра прочитала её мне вслух, а потом я попросила её выбросить букет. Эм, там было написано: «Мисс Холт спро-

сит вас, откуда вы взяли рисунок. Что вы ей ответите?» И подпись. Две буквы.

— Сара...

— Я перезвоню, — сказала она и отключилась.

Я не стала ей перезванивать. Я посидела немного, глядя на стикер на мониторе, а потом сделала то, что откладывала с прошлого четверга: вернулась к двадцать шестой тетради.

Она была подшита позже остальных, я заметила это ещё в первый день по тому, как иначе шёл стежок и как иначе лежала нить. Книгу когда-то разобрали и вставили между Откровением и задней крышкой несколько листов другой бумаги, более тонкой и более поздней, и аккуратно зашили обратно. Мастер был хороший. Если бы не моя дурацкая привычка считать проколы, я бы ничего не нашла.

На вставных листах был список. Имена в столбик, женские, одно под другим, и против каждого дата. Почерки разные, чернила разные, где-то перо, где-то, ближе к концу, обычная шариковая ручка. Самая ранняя запись, на французском, была сделана в 1789 году. Самая поздняя в 1983-м.

Я их пересчитала. Сорок.

Возле некоторых имён стояли пометки: «Новый Орлеан», «Натчез», «Гавана», «Сент-Луис». Возле других не было ничего, кроме даты, а у самых последних кто-то вывел маленький знак, похожий на перечёркнутый круг. Я долго разглядывала эти круги. Мне хотелось думать, что это значит «отменено», «расторгнуто», «отпущено». Почему-то я так не

думала.

Почти все фамилии повторялись только один раз. Дюпре, Ланглуа, Бьюкенен, Эстрада, О'Нил, Карпентер. Но в середине списка, в двух местах, с разрывом почти в сорок лет, стояла одна и та же: «Эйлин Каллахан, 1917» и, ниже, другим почерком, «Роуз Каллахан, 1956». Возле обеих ни города, ни пометки. Только перечёркнутый круг.

Я записала обе фамилии в блокнот, обвела, поставила вопросительный знак. Фамилия ничего мне не говорила. Где-то на краю сознания мелькнуло что-то знакомое, как мелькает в толпе лицо одноклассника, которого не видел двадцать лет, но я не успела ухватить, и оно ушло.

В четыре мистер Деверо собрался уходить. Он долго возился с пиджаком, потом подошёл к моему столу и посмотрел на список на экране.

— Сорок, — сказал он.

— Вы знали?

— Отец говорил, что в Кейновой книге есть «реестр». Я думал, он имел в виду бухгалтерский. Мне было двенадцать, я много чего думал. — Он надел шляпу. — Эмма, я старый человек и не очень храбрый. Если вы хотите вернуть ему эту книгу и чек и больше никогда не открывать дверь, когда он стучит, я пойму. И я не стану спрашивать почему.

— Он не стучит, — сказала я. — Колокольчик у вас не звенит, когда он входит.

Мистер Деверо постоял, глядя на меня поверх очков, по-

том снял шляпу, снова надел и ушёл, не прощаясь.

Я досидела до восьми. За стеной саксофонист играл свою мелодию и сбивался, я фотографировала список ещё раз, при другом свете, и переписывала имена от руки в блокнот, все сорок, как будто это могло что-то изменить. Когда я дошла до последней строчки, 1983, мне показалось, что ниже, на пустом месте страницы, бумага чуть темнее, как будто там уже есть запись, только ещё не проявившаяся. Я поднесла лампу ближе.

Ничего. Пустая бумага с тонкой сеткой водяных знаков.

Я закрыла книгу, убрала её в сейф, заперла, ключ положила в карман и проверила карман дважды. Потом вышла на Шартр-стрит, в тёплый вечер, пахнувший жареными креветками и конским навозом, и уже на углу у Сент-Энн почувствовала, что запястье под часами потеплело. Не сильно. Так теплеет кожа, когда кто-то, проходя мимо в толпе, на миг касается тебя рукавом.

Я обернулась. Улица была полна людей, и ни один из них на меня не смотрел.

Глава шестая. Беззвучно

Райан приехал во вторник в половине одиннадцатого вечера, без звонка, и поднялся по наружной лестнице так, что под ним закрипела каждая ступенька и внизу у миссис Арсено на секунду смолкла Этта Джеймс. Я открыла раньше, чем он постучал, потому что увидела в окно его машину, криво припаркованную поперёк чужого въезда.

Он был в рабочем костюме, с ослабленным галстуком, и от него пахло бурбоном. Не сильно, Райан никогда не напивался сильно, он вообще всё делал в меру, даже злился. Но сейчас он стоял в дверях моей кухни, и лицо у него было такое, какого я за полтора года ни разу не видела: красное, с белыми пятнами у крыльев носа.

— Где ты была в понедельник вечером?

— В мастерской. До восьми. Потом дома.

— Одна?

— Райан, что случилось?

Он прошёл мимо меня в комнату, огляделся, как будто искал кого-то за шторой, и сел на подлокотник дивана. Я осталась стоять у двери. Базилик на веранде чуть шевелился от ночного ветра.

— Сегодня отцу позвонил Джулиан Кейн, — сказал Райан. — Знаешь такого?

Я промолчала.

— Знаешь. Конечно, знаешь. — Он засмеялся коротко и зло. — А я вот не знал, что моя семья должна ему денег. С девяносто восьмого года, Эмма. Дед брал у него под залог дома, когда прогорел с нефтью, и отец до сих пор платит проценты, и никто мне ни слова не говорил. А сегодня Кейн звонит и очень вежливо предлагает отцу закрыть долг досрочно. Целиком. Простить. И знаешь, что он сказал, когда отец спросил, с чего такая щедрость?

Я покачала головой.

— Он сказал: «Передайте сыну, что я делаю это ради мисс Холт». — Райан встал. — Ради мисс Холт. Мой отец двадцать минут орал на меня в кабинете, спрашивая, что моя невеста делает с человеком, о котором в этом городе не говорят вслух. А потом Мэри-Бет Ландри позвонила маме и сказала, что видела тебя в понедельник вечером на Шартр-стрит, и он шёл за тобой. В двух шагах. Как привязанный.

Запястье у меня под рукавом потеплело. Я вспомнила толпу на углу Сент-Энн, лёгкое касание рукавом и то, что, когда я обернулась, на меня никто не смотрел.

— Я его не видела, — сказала я.

— Не видела. — Райан шагнул ко мне. — Эмма, я не дурак. Он принёс тебе какую-то книгу, мне сказал Деверо. Он заплатил тебе какие-то безумные деньги. Он прощает моему отцу двести тысяч долларов ради тебя. Ты с ним спишь?

— Нет.

— Не лги мне.

Я рассмеялась, сама не знаю почему. От усталости, наверное, от недели без сна, от того, что моя лучшая подруга лежала в больнице слепая, а мой жених спрашивал меня, сплел ли я с демоном. Я не произнесла этого слова даже про себя, но оно вдруг встало в голове, ясное и законченное, как переплетённая книга. Райан принял смех на свой счёт.

— Смешно тебе? — Он схватил меня за локоть, и пальцы у него были твёрдые и горячие. — Я полтора года терплю твои джинсы, твоих мёртвых моряков, твою мать, которая не может ответить на одно грёбаное письмо. Я ради тебя с мамой ругаюсь каждую неделю. Я никогда, ни разу за всё это время тебе не...

Он замолчал.

Не так, как замолкают, когда передумали говорить. Рот у него продолжал двигаться, губы сложились в следующее слово, я видела, как напряглось его горло, как вздулась на шее жилка, но звука не было. Никакого. Ни хрипа, ни шёпота, ни свиста воздуха. Как будто кто-то нажал кнопку беззвучного режима.

Райан отпустил мой локоть. Он схватился за горло обеими руками, открыл рот, закрыл, снова открыл. Глаза у него округлились, и в них было то же выражение, какое я видела у Сары на больничной кровати, когда она смотрела на дверь и не видела меня. Он закашлялся, и кашель тоже вышел беззвучным, только плечи дёргались.

— Райан, — сказала я. — Райан, сядь. Дыши.

Он мотнул головой и попятился от меня, как от собаки, которая неожиданно оскалилась. Налетел на стол, сбил на пол миску с ключами и мелочью, и даже звук рассыпавшихся монет показался мне оглушительным в этой тишине. Он достал телефон, и пальцы его плясали по экрану, он что-то набирал, стирал, снова набирал. Потом развернул экран ко мне.

«ЧТО ТЫ СДЕЛАЛА».

— Я ничего не делала. Я вызову скорую.

Он выбил телефон у меня из рук, когда я стала набирать номер, и мой телефон заскользил по полу под диван. Ещё несколько секунд мы стояли друг напротив друга, и я смотрела, как он пытается сказать хоть что-то, хоть одно слово, а он смотрел на меня так, как будто я уже не я, а кто-то, кто надел моё лицо. Потом он ушёл. Хлопнул дверью, загрохотал по лестнице, и внизу взвизгнули шины, и я услышала, как миссис Арсено открывает окно и громко говорит по-французски что-то о молодых людях и о том, куда им следует отправиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.